8 названій

Открытіе памятника въ г. Костромѣ Царю Михаилу Ѳеодоровичу и поселянину Ивану Сусанину, послѣдовавшее 14 Марта 1851 года.

Православіе, самодержавіе, народность — три невыблемыя основы Русскаго царства.

Съ самаго ранняго утра, 14 Марта, со всѣхъ концовъ города Костромскіе граждане, съ окрестными жителями, стекались на обширную и прекрасную Сусанинскую площадь и ожидали начатія торжества. Взирая на эту волнующуюся массу народа, невольно переносимся мыслію къ давно-минувшему. За 238 лѣтъ, въ этотъ самый день, въ этомъ самомъ городѣ, съ тѣмъ же нетерпѣніемъ, не подобное ли же стеченіе народа ожидало — только не торжества, но, со стра-

хомъ и надеждою въ сердцѣ, рѣшенія судьбы Россіи! и какимъ было объято страхомъ, когда мать Михаила Ѳеодоровича, Инокиня Марѳа, противъ всякаго ожиданія Московскихъ пословъ, не хотѣла благословить сына своего на царство Русское!

Тщетно Архіепископъ Ѳеодоритъ и Аврамій Палицынъ употребляли убѣжденія; тщетно бояре представляли бѣдствія, угрожающія отечеству отъ ихъ отреченія; тщетно народъ съ рыданіемъ испрашивалъ у нихъ согласія: Марѳа и сынъ ея были непреклонны. Около 6 часовъ продолжалось уже сіе моленіе; тогда Епископъ Ѳеодоритъ, въ глубочайшей горести, взялъ образъ Владимірской Богоматери, писанный Петромъ Митрополитомъ, а Палицынъ — икону великихъ чудотворцевъ: Петра, Алексія и Іоны, принесенные ими изъ Москвы, и приблизясь къ Инокинѣ Марѳѣ и сыну ея, вѣщали: „Повинуйтесь волѣ Божіей и Пречистой Его Матери! Сіи святыя иконы притекли повѣдать вамъ опредѣленіе ваше; не народомъ, а ими вы избраны на великое дѣло; ими умудритесь въ предстоящихъ трудахъ и подвигахъ! Преклонитесь же предъ ними и повинуйтесь!“ Марѳа немогла противиться болѣе; въ слезахъ упавъ предъ иконами, произнесла свое согласіе: „ кто противъ Бо-

га, единородный возлюбленный мой! свѣтъ очей моихъ, повинуйся волѣ Божіей!" Михаилъ умолялъ ее не соглашаться. „Нѣтъ, отвѣчала Марѳа, се дѣло Божіе, не человѣческій разумъ; несмѣю противиться." Михаилъ упалъ предъ образомъ Богоматери: „Боже! говорилъ онъ, Твоя есть воля, я рабъ Твой, спаси и соблюди меня." Потомъ обратился къ посламъ, боярамъ и народу и сказалъ: „аще на то воля Божія, да будетъ тако." Въ восторгѣ всѣ повергли съ предъ нимъ, слезы печали превратились въ слезы радости, горесть — въ восторгъ невыразимый; и тогда же, въ память сего знаменитаго событія, установлено было праздновать въ сей день, т. е. 14 Марта, явленіе чудотворныя иконы Ѳеодоровскія, находящейся въ Костромскомъ градскомъ Успенскомъ Соборѣ; что до того времени совершалось Августа 16 дня. Первымъ дѣломъ Царя было изъявленіе благодарности памяти Сусанина, великодушно пожертвовавшаго жизнію своею для его спасенія. Онъ повелѣлъ, какъ повѣствуетъ преданіе, тѣло Сусанина перевезти въ Ипатіевскій монастырь и предать землѣ съ честію, а оставшимся родственникамъ даровалъ многія преимущества.

Прошло болѣе двухъ столѣтій послѣ безсмертнаго подвига Домнинскаго крестьянина, и вотъ, по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію,

14 же Марта 1851 года, открытъ памятникъ Царю Михаилу Феодоровичу и поселянину Ивану Сусанину.

Первая мысль сооруженія въ г. Костромѣ памятника принадлежитъ Костромскому Дворянству. Въ Сентябрѣ 1834 года, Кострома была осчастливлена Августѣйшимъ посѣщеніемъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА. Давно питаемое въ сердцахъ Костромичей желаніе высказалось. Въ Костромскомъ Дворянскомъ Собраніи состоялось постановленіе, въ которомъ между прочимъ сказано: ,,Костромская губернія, отчина Романовыхъ, первая внимала священному обѣту Михаила уврачевать язвы отечества, нанесенныя крамолами самозванцевъ и завистью иноплеменниковъ; она первая, въ обители святаго монастыря, при очахъ юнаго, единодушно избраннаго Помазанника Божія, пролила радостныя слезы и вознесла теплыя мольбы къ Царю царствующихъ, да укрѣпится сердце Его на великомъ подвигѣ царствованія. Но воспоминаніе о сихъ событіяхъ осталось только въ устномъ преданіи, въ письменахъ исторіи и еще въ благоговѣйныхъ молитвахъ церкви, каждогодно совершающей въ память сего событія, 14 Марта, празднество Пресвятыя Богородицы Феодоровскія въ Костромѣ. Никакое, къ прискорбію, видимое знаменіе не указываетъ при-

шельцу, что смиренная обитель Святаго Ипатія была мѣстомъ, въ которомъ, послѣ годины искушенія, возсіялъ первый лучь счастія отечества нашего. — Мысль увѣковѣчить сооруженіемъ памятниковъ память великихъ, недолжна быть болѣе сокрытою въ сердцѣ и къ проявленію оной въ дѣйство, нѣтъ благопріятнѣйшей минуты, какъ при настоящемъ всерадостнѣйшемъ и счастливѣйшемъ случаѣ **ВЫСОЧАЙШАГО** посѣщенія града нашего **ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ НИКОЛАЕМЪ ПАВЛОВИЧЕМЪ**, великимъ потомкомъ Михаила Ѳеодоровича и вмѣстѣ премудрымъ исполнителемъ судебъ Промысла, предъизбравшаго здѣсь на царство юнаго родоначальника Его.“

Въ то же Свое пребываніе, 1834 года, въ г. Костромѣ, **ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ** почтилъ своимъ Монаршимъ вниманіемъ потомковъ Сусанина (*) и повелѣлъ заняться устройствомъ ихъ, и предположенія по сему предмету представить на **ЕГО ВЫСОЧАЙШЕЕ** благоразсмотрѣніе. Послѣдствіемъ сего были многія милости, изліянныя на по-

---

(*) Потомки эти происходятъ отъ дочери Ивана Сусанина. Поселены они на правахъ бѣлопашцевъ, (то есть: изъяты всякой повинности) въ селѣ Коробовѣ, Костромскаго уѣзда, въ 30-ти верстахъ отъ Костромы.

томковъ Сусанина отъ неисчерпаемыхъ щедротъ ГОСУДАРЯ.

Къ мысли воздвигнуть монументъ родоначальнику Дома Романовыхъ присоединилась еще другая: почтить и память поселянина Ивана Сусанина, положившаго, какъ говоритъ надпись памятника, свой животъ за Царя — спасителя вѣры и отечества.

Тогда же, съ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія, открыты были подписки: одна для сооруженія памятника Царю Михаилу Θеодоровичу, и другая на монументъ поселянину Сусанину. Но въ 1838 году ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ повелѣть изволилъ: соединивъ собранныя суммы, соорудить одинъ памятникъ Царю Михаилу Θеодоровичу и поселянину Сусанину, по рисунку, составленному въ ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи художествъ, и поставить его на главной центральной площади города Костромы, наименовавъ оную Сусанинскою. Изготовленіе проэктированнаго монумента принялъ на себя Ректоръ Скульптуры Демутъ — Малиновскій; фундаментъ заложенъ 7 Августа 1841 года; (*) самый памятникъ доставленъ въ

(*) Костромскіе кирпичники и каменщики, еще при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ IV, славились искусствомъ въ своемъ ремеслѣ и имѣли отъ него, за построеніе Царскихъ палатъ въ Москвѣ, жалованную грамоту. Грамота эта, впослѣдствіи, во время смутъ, утратилась и уже,

Кострому 19 Сентября 1843 года, бронзовыя фигуры 4 Августа 1847 года, и наконецъ окончательная отдѣлка монумента исполнена 16 Августа 1850 года. Употребленная на устройство его сумма составляетъ 43,563 руб. $23\frac{3}{4}$ коп. сереб. Наружный видъ памятника чрезвычайно хорошъ: на четыреугольномъ гранитномъ пьедесталѣ, обнесенномъ чугунною рѣшеткою, возвышается гранитная колонна, на верху которой стоитъ бронзовый бюстъ Царя Михаила Θеодоровича; у подножія ея: съ лѣвой стороны молящійся Сусанинъ, вылитый изъ бронзы, а съ правой его родословная и двѣ грамоты, роду его пожалованныя; въ барельефѣ, на лицевой сторонѣ пьедестала, обстоятельства смерти Сусанина. Бюстъ Царя, фигура Сусанина и въ барельефѣ убіеніе его поляками — прекрасно задуманы и художественно выполнены. Михаилъ Θеодоровичъ представленъ въ томъ возрастѣ, когда

при Царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ, имъ возобновлена по просьбѣ Костромскаго кирпичника Тихона Алексѣева. Весьма замѣчательно то случайное сближеніе обстоятельствъ, что употребленный нынѣ на фундаментъ сооруженнаго въ Костромѣ памятника Царю Михаилу Θеодоровичу и поселянину Сусанину кирпичь, въ количествѣ 100 т., взятъ, какъ лучшій по добротѣ своей, съ завода Костромскаго мѣщанина Алексѣя Ермолина, потомка того самаго кирпичника Тихона Алексѣева, по просьбѣ коего Царемъ Михаиломъ Θеодоровичемъ возобновлена помянутая грамота, сохранившаяся до нынѣ и доставшаяся Ермолину отъ его предковъ.

избранъ онъ былъ на царство, и поразительно схожъ съ портретомъ. Въ Сусанинѣ чрезвычайно много типическо—русскаго: въ лицѣ его видно благочестіе и кротость; онъ стоитъ на колѣняхъ и молится. Минуту ли пріуготовительной молитвы его предъ совершеніемъ великаго подвига, предпринятаго имъ во спасеніе Царя, или можетъ быть даже, его послѣднюю предсмертную молитву, изобразилъ художникъ,—незнаемъ; но фигура прекрасна. Въ барельефѣ: лица убійцъ и вообще положеніе ихъ; умирающій Сусанинъ, и даже самая мѣстность,—все это отдѣлано съ такою отчетливостію, что вполнѣ знакомитъ съ событіемъ. Вверху колонны гербъ Россіи, а на половинѣ ея гербъ Костромской губерніи. На задней сторонѣ пьедестала надпись: *Ивану Сусанину, за Царя,—спасителя вѣры и царства, животъ свой положившему. Благодарное потомство.* На двухъ боковыхъ противуположныхъ сторонахъ пьедестала годы: 1613 и 1851. Высота всего памятника отъ основанія 21 аршинъ; вѣсъ его 17,000 пудовъ, а съ фундаментомъ 140,000 пудовъ.

14-го Марта 1851 года совершилось торжественное открытіе памятника. Въ девять съ половиною часовъ, въ присутствіи Гг. Военнаго Губернатора Ивана Васильевича Каменскаго, Губернскаго Предводителя Дво-

рянства Өедора Өедоровича Чагина, прибывшаго нарочно для участвованія въ семъ торжествѣ Ярославскаго Губернскаго Предводителя Дворянства Александра Аполлоновича Волкова, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, дворянъ, купечества, потомковъ Сусанина — Коробовскихъ бѣлопашцевъ, одновотчинныхъ съ Сусанинымъ крестьянъ села Домнина и другихъ приглашенныхъ къ торжеству лицъ, началось въ Успенскомъ Соборѣ совершеніе Преосвященнымъ Леонидомъ, Епископомъ Костромскимъ и Галичскимъ, Божественной Литургіи, по окончаніи которой произнесено Соборнымъ Священникомъ Евтихіемъ Вознесенскимъ приличное торжеству слово. За тѣмъ подняты были: чудотворная икона Өеодоровской Божіей Матери и принесенная изъ Ипатіева монастыря икона Тихвинской Богоматери и открылся крестный ходъ отъ Собора къ памятнику, въ сопровожденіи всѣхъ вышеозначенныхъ лицъ. При появленіи церковныхъ хоругвей, выстроенные у Святыхъ Воротъ Собора баталіонъ Внутренней стражи съ военною музыкою 3-го учебнаго Карабинернаго полка и взводъ конныхъ Жандармовъ, отдали должную весть. Когда же духовная процессія дошла до лѣваго фланга баталіона, то оный, перестроившись въ колонну справа, двинулся вслѣдъ за процессіей, церемоніяльнымъ маршемъ, на Су-

санинскую площадь, предшествуемый взводомъ Жандармовъ. По прибытіи на площадь, войска построились вокругъ памятника, съ трехъ сторонъ онаго, а на четвертой передней сторонѣ памятника, — къ Волгѣ, на устроенной для сего эстрадѣ, остановился крестный ходъ и всѣ вышепоименованныя лица, сопровождавшія оный. Видъ площади въ это время былъ истинно великолѣпный. Крыши окружающихъ площадь гостиныхъ дворовъ и другихъ зданій, балконы, окна, унизаны были зрителями, число коихъ простиралось до 30,000 человѣкъ. По окончаніи построенія войскъ, по данному Г. Военнымъ Губернаторомъ знаку, мгновенно упалъ съ памятника покровъ, и въ тоже время войска отдали памятнику честь, и всѣ присутствовавшіе, равно какъ войска и народъ воскликнули: „Ура!" По второму знаку Г. Военнаго Губернатора, клики „ура" умолкли, нижніе чины сдѣлавъ на молитву, сняли кивера и началось молебствіе съ водосвятіемъ и возглашеніемъ многолѣтія ИМПЕРАТОРСКОМУ Дому, при которомъ, какъ-бы по чудному мановенію, воздухъ, въ одно мгновеніе, огласился дружнымъ Русскимъ „ура", не прерывавшимся во все время возглашенія многолѣтія. Послѣ сего Преосвященный Леонидъ, въ сопровожденіи знатнѣйшаго духовенства, освятилъ памятникъ окропленіемъ святою

водою, и произнесъ краткую рѣчь, живо напомянувшую о великомъ подвигѣ Сусанина. За тѣмъ началась панихида. Всѣ съ умиленіемъ сердца приносили теплыя молитвы за упокой душъ великаго избранника на царство Русское Царя Михаила Θеодоровича и поселянина Ивана Сусанина. Но не предъ однимъ самоотверженіемъ Сусанина благоговѣли въ это время его соотечественники; ибо кто изъ Русскихъ не положитъ живота за Царя своего? Любовь Русскаго къ законному ГОСУДАРЮ своему переходитъ изъ рода въ родъ не нарушимо много столѣтій, и такъ сроднилась съ его душой, что ни что поколебать ее не можетъ; она для него сильнѣе любви кровной — самое пламенное и святое чувство. Болѣе благоговѣли предъ тѣмъ, что Сусанинъ былъ избранъ на такой подвигъ Великимъ Промысломъ; ибо надо имѣть человѣку много въ себѣ прекраснаго, чтобы быть вызвану Провидѣніемъ на такое самопожертвованіе: не помышляя о великомъ будущемъ, онъ, въ простотѣ сердца, съ одною чистою любовію, какъ вѣрнѣйшій изъ вѣрныхъ, неизмѣнилъ своему высокому и святому призванію.

По окончаніи духовнаго обряда, крестный ходъ началъ обратное шествіе въ Соборъ, во время котораго военная музыка играла гимнъ:

„Боже Царя храни!" вторимый цѣлымъ баталіономъ и затѣмъ баталіонъ, сомкнувшись въ густую колонну, имѣя впереди взводъ Жандармовъ, стройно прошелъ по-взводно, церемоніяльнымъ маршемъ, вокругъ памятника и разошелся по казармамъ.

По окончаніи всей торжественной церемоніи, Г. Военный Губернаторъ съ Гг. Губернскими и Уѣздными Предводителями Дворянства, дворянами и чиновниками, отправился къ приготовленному отъ дворянъ для потомковъ Сусанина-Коробовскихъ бѣлопашцевъ обѣденному столу, въ домъ купца Первушина, находящійся на площади, противъ самаго памятника. По прибытіи Преосвященнаго Леонида и по благословеніи имъ приготовленныхъ яствъ, Г-мъ Военнымъ Губернаторомъ провозглашенъ былъ тостъ за здравіе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и всего Августѣйшаго Дома ЕГО. Обширный залъ, (*) въ которомъ пировали бѣлопашцы, былъ украшенъ портретами и сложенными изъ оружія вензелями ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и

(*) Тотъ самый, въ которомъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, во время ВЫСОЧАЙШАГО путешествія Своего въ 1834 году, чрезъ Кострому, удостоилъ милостиво принять бѣлопашцевъ съ хлѣбомъ и солью и излилъ на нихъ Свои щедроты.

Царя Михаила Θеодоровича, а также картиною, изображающею подвигъ Ивана Сусанина. Въ углахъ установлены были пирамидально, нарочно заказанныя отъ дворянъ, въ память сего торжества, для Коробовскихъ бѣлопашцевъ бархатныя шапки, опушенныя мѣхомъ, съ серебрянымъ позументомъ, на которомъ вышитъ день открытія памятника „14-го Марта 1851 года.“ Предъ окончаніемъ обѣда, староста бѣлопашцевъ произнесъ: „міряне мои, встаньте и молитесь!“ — Потомъ, обратясь къ портрету ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, возгласилъ слѣдующіе тосты: 1., за ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО многія лѣта; 2., за Его Превосходительство, Г. Военнаго Губернатора многія лѣта и 3., за всѣхъ Костромскихъ дворянъ многія лѣта, и при каждомъ тостѣ всѣ бѣлопашцы восклицали: „ура.“ — Потомъ староста провозгласилъ: „вѣчная память Царю Михаилу Θеодоровичу и прадѣду Ивану Сусанину.“

Посуда на этомъ обѣдѣ была вся чисто-Русская-деревянная; — чашки, тарелки, стаканы, кружки, стопы были выкрашены пунцовою краскою съ позолоченными каймами; ложки и черенки у ножей и вилокъ были вызолоченные. По окончаніи обѣда, каждому изъ бѣлопашцевъ, въ память этого дня, бы-

ла дана бархатная шапка, посуда, изъ которой они пили и ѣли, и по кульку, сшитому изъ малиноваго бархата, съ золотыми звѣздами, наполненному разными сластями.

Всѣмъ нижнимъ чинамъ, въ этотъ день въ строю находившимся, Коммиссіонеромъ Костромскаго питейнаго откупа Полковникомъ Шиповымъ отпущено было по фунту рыбы и по двѣ чарки вина на человѣка.

Въ 4 часа по полудни отъ Костромскаго дворянства данъ былъ обѣдъ на 250 кувертовъ, по особому приглашенію. Во время обѣда, Г. Губернскимъ Предводителемъ Дворянства провозглашены были тосты: за здравіе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ, Государя Наслѣдника и Супруги Его и всего Августѣйшаго Дома. Угощеніе было въ полномъ смыслѣ роскошное и, по русскому хлѣбосольству, самое радушное. Народъ ликовалъ цѣлый день, какъ-бы сочувствуя въ этомъ случаѣ своимъ прадѣдамъ, которые за 238 лѣтъ, въ этотъ самый день и въ этомъ самомъ городѣ, праздновали вступленіе на царство Михаила Θеодоровича. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ и вокругъ памятника, усердіемъ городскаго общества,

устроена была блестящая иллюминація, съ изображеніемъ: 1613 и 1851 годовъ.

Втеченіи цѣлаго дня, во всѣхъ церквахъ, происходилъ колокольный звонъ. Прекраснѣйшая погода вполнѣ благопріятствовала сему торжеству, совершившемуся въ отличномъ порядкѣ. Трудно изобразить тотъ восторгъ, то сердечное умиленіе, съ какими принимали участіе въономъ всѣ сословія, всѣ возрасты Костромскаго населенія. Весь день, до глубокой ночи, площадь покрыта была народомъ; да и теперь, когда прошло тому болѣе недѣли, передъ памятникомъ, во всякое время, стоятъ толпы народа, глядятъ на него, дивятся и передаютъ другъ другу событіе 1613 года, — событіе памятное имъ по изустнымъ преданіямъ дѣдовъ и прадѣдовъ ихъ.

И кому изъ Русскихъ не памятно, кому изъ чужеземцевъ не извѣстно достославное событіе 1613 года, даровавшее Россіи столько великихъ и мудрыхъ Правителей? Съ тѣхъ поръ прошло болѣе двухъ вѣковъ, и прославленная, возвеличенная ИМИ Россія, достигла нынѣ высшей степени благоденствія, посреди всеобщихъ смутъ и волненій Европейскихъ. Но намъ ли изображать великіе подвиги вѣнценосныхъ потомковъ Царя Михаила? Чувствуемъ слабость силъ на-

шихъ и заключаемъ словами великаго проповѣдника: „*Аще бы громы по человѣческу „глаголать возмогли, тое развѣ витійство „достойно славы ихъ.*“

Перепечатано, въ Костромской Губернской Типографіи, изъ №. 12 Костромскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1851 г., съ разрѣшенія Г. Военнаго Губернатора г. Костромы и Костромскаго Гражданскаго Губернатора, Генералъ-Маіора Каменскаго.

